

В ТУ КОМАНДИРОВКУ в Молодечно посещение народного театра у меня не было запланировано. Но вечер оказался свободным, а глаз еще днем зацепился на улице за красочную афишу: городской Дом культуры объявлял о премьере — «Интервью в Буэнос-Айресе». Острополитическая пьеса Г. Боровика на любительской сцене! После того, как чуть ли не все профессиональные театры уже поставили ее, Центральное телевидение показало в блистательном исполнении известных мастеров сцены...

Поначалу спектакль шел как-то рывками, в нем то накапались страсти, возникало острое противостояние борющихся сил, то температура их кипения заметно падала. Сценическое действие словно накапливало энергию, чтобы высечь ту искру, которая перекинулась бы в зрительный зал.

Это «короткое замыкание» произошло, когда на подмостках появился лавочник Габриэль, один из пособников профашистского правительства. Внешне он был простоват, туповат, самодоволен. Но постепенно за внешней невзрачностью проступило нечто страшное и крайне опасное. Вскрылся вдруг источник, откуда выползает коричневая чума, чтобы давить, рвать, душить тех, кто посягает на собственность, на мир лавочников. Фигура Габриэля в исполнении инженера М. Белюна вырастала до обобщения, символа. Произошло чудо театрального искусства: спектакль «запульсировал», захватывая, пронизывая своими токами зрительный зал.

Самодельные артисты вместе с режиссером Н. Мацкевичем нашли в пьесе свою «горячую точку», необычайно сильный публицистический заряд и на нем сосредоточили внимание. Они выплеснули гражданские чувства, передали свое неприятие лавочников и их философии, высказали тревогу по поводу явления, грозящего неисчислимыми бедами в наш грозный ядерный век. Такого решения мне не довелось видеть и на профессиональной сцене.

Спустя год я поехала в Молодечно уже специально, чтобы посмотреть новый спектакль народного театра — «Рядовые» А. Дударева, с которым он собрался выехать на Международный фестиваль любительского искусства в Чехословакию. Молодеченские артисты прочитали пьесу драматурга еще в рукописи и единодушно решили ставить ее. Их захватила возможность сказать свое слово о мире, который советские люди не просто завоевали, но пострадали.

Увлечение пьесой сказалось в спектакле. В «Рядовых» тот же накал гражданских чувств, что и в «Интервью в Буэнос-Айресе». Здесь даже больше актерских удач, крепче ансамбль.

Одну из главных ролей — Дервояда — играл М. Белюн. Играл почти без грима. Трудно было поверить, что вчера на сцене он был озверевшим лавочником Габ-

риэлем. Сегодня это был человек, у которого душа кровоточила от потери близких, жены и сына, заживо сожженных фашистами. Сколько сострадания, мудрого понимания других и непоказного мужества в этом простом солдате!

Искусство перевоплощения? Не хочется пользоваться этим термином. Артисты-любители все берут из собственной души: и гнев, и сострадание, и тревожащие размышления о сегодняшнем мире. Когда это совпадает с ролью, «запал» срабатывает.

Четверть века назад, когда было принято решение о присвоении звания «народного» лучшим самодеятельным коллективам, специалисты заспорили: какими им быть? Сообществом любителей

искусства, открывающих для себя его секреты, духовно обогащаясь, находя радость в творчестве? Или подобием профессиональных театров, призванных пропагандировать лучшие образцы отечественной и мировой драматургии?

Жизнь показала, что спор этот схоластичен. Сегодня можно наблюдать чаще не «или — или», а «и». Спектакли народных театров становятся нужными и самим участникам, и зрителям, когда в драмкружок приходят единомышленники, жаждущие не просто сыграть роль в пьесе, а сказать свое слово о себе и своем времени. Тогда постановка становится событием культурной жизни города, деревни.

Процесс динамичный. Не случайно в последние годы все большую популярность приобретают «авторские» жанры художественной самодеятельности, где люди могут напрямую высказать свои взгляды, вмешаться в жизнь. Этим, к примеру, объясняется бурный рост агитбригад с их разнообразными средствами оперативного отклика на любое событие. То же самое происходит и в народных театрах. Спектакли, где присутствует «соавторство» коллектива с драматургом, где есть прорыв в сегодняшний день, в его злободневные проблемы, — такие спектакли вызывают живой отклик у зрителей.

Вот еще пример. Когда в большой физической аудитории БГУ имени В. И. Ленина народный театр университета показывал спектакль «Отпуск по ранению» В. Мандрякевича, желающие попасть на него буквально штурмом брали это небольшое помещение. Уже в фойе мы испытывали чувство потрясения — от фронтовых писем, полустелставших, обгоревших, стертых на сгибах, приколотых сейчас к стенам и колоннам. А рядом с ними — десятки фотографий: юные, безу-

сые лица погибших и оставшихся в живых солдат Великой Отечественной. Потом один из таких вот юных лейтенантов — лейтенант Володька — выйдет на сцену, что в двух шагах от зрителя, и расскажет о нескольких днях своей жизни во время отпуска по ранению. В нем будет kloкxотать такая боль от потери друзей на поле боя и такая ярость при встрече с подлостью, трусостью, лицемерием, окопавшимися в тылу, что чувства эти обожгут зрителей, вызовут обратный ток сопереживания.

А мне в тот момент вспомнятся строки из «Дневника» актеров этого театра, полных исповедальной искренности, нетерпеливого поиска вечных истин, своего места в жизни. Они ведь точно такие, как лейтенант Володька, эти молодые артисты-любители. «Дневник» лежал в репетиционной комнате на видном месте, и каждый мог написать в нем, что хотел и когда хотел. А что не ложилось в строки, высказывалось вслух. То был театр-клуб, где в диспутах, спорах, исповедях утолялись духовные потребности юных, где рождался коллектив единомышленников. Спектакли для них становились продолжением того же духовного поиска, который они вели с юношеской страстностью и максимализмом. Кто видел те спектакли, и спустя месяцы вспоминал их как ожог, как нечто будоражащее, требующее ответа.

Жаль, что тот состав народного театра уже ушел из стен университета...

Слова «народный театр» вошли в нашу обиходную речь, в наше сознание. Пользуясь ими, мы обычно подчеркиваем отличие искусства любителей от искусства профессионалов. Но есть в этом понятие и первородный смысл, который часто забывается и не всегда улавливается на их спектаклях. А именно — «народность» представления, кусочек сегодняшней жизни народа, который невольно «просвечивает» сквозь все перипетии пьесы.

Мне повстречившись увидеть такой спектакль. И хотя прошли годы, он остался в памяти. Мозырский театр одним из первых в Белоруссии показал инсценировку романа Ивана Мележа «Люди на болоте». На премьеру мозырчане пригласили автора романа. То был удивительный спектакль по достоверности деталей быта, емкости и социальной точности почти каждого образа. Для многих исполнителей материал роли сливался с собственной биографией. М. Колос, молодой режиссер театра, игравший Василия, сам пришел из такой же деревни, как мележевские Курени.

И фельдшер Н. Белойчук в роли старого крестьянина Чернушни рассказывал кусочек собственной жизни. Как вместе с односельчанами гатил дорогу через болото, как шел по ней к новой жизни... Самые крохотные роли, бессловесные, эпизодические, поражали в этом спектакле жизненной достоверностью. Трудно было оторвать глаз от старой крестьянки, которая бережно подхватывала каждую крошку хлеба со стола, потом самозабвенно плясала на свадьбе у Ганны, тяжело топая, вся отдаваясь музыке.

А ведь в тот вечер эта женщина, пенсионерка Суховерхова, впервые в жизни вышла на сцену. Улыбалась, что народный театр ставит «Люди на болоте», пришла к режиссеру: «Может, и я пригожусь? Я ведь из тех мест...»

Так рождался, создавался истинно народный спектакль.

Как счастливы были самодельные артисты, называвшие себя полушутя «мы — куреневацы», когда Иван Павлович Мележ после представления высказал им слова одобрения! Кто-то взял в руки бубен, запели скрипки, и под эту нехитрую музыку маленького деревенского оркестра, что играл в спектакле на свадьбе Ганны, пошли плясать хлопцы и девчата, совсем зеленые школьники и пожилые женщины. Только уже не было на их лицах грима и не было зрителей... Потом пели белорусские песни. А писатель, словно вернувшись в свою юность, подпевал им. В полночь он прощался на мокрой от дождя площади с теми, кто слез с теперь для него с героями романа, в чем-то продолжив их судьбу.

Нынче в Белоруссии работает семьдесят народных театров. И каждый из них заслуживает доброго слова. Есть у них свои трудности. Где-то проблемой становится помещение для репетиций, транспорт для выезда. Где-то не всегда с вниманием и ним относятся руководители предприятий, колхозов. А где-то коллектив лихорадит из-за частой сменяемости режиссеров. Особенно наблюдается это в селах. Выпускники специальных вузов и культпросветучилищ республики редко задерживаются здесь больше двух-трех лет.

Но, преодолевая все эти сложности, народные театры ежегодно дают сотни спектаклей, собирают тысячи зрителей. Они выполняют высокую культурную миссию, выезжая в дальние села, играя на малых сценических площадках, куда не добораются профессиональные театры.

Народные театры — частица большой армии самодельных художественных коллективов. Но их можно назвать авангардом этой армии, ибо они несут людям слово, воспитательный заряд которого огромен.

Д. МАНАЕВА.

НАРОДНЫЙ ТЕАТР

О времени и о себе